

Налим Зимой

В самую черную холодную непогоду вытолзает из-под коряг на охоту речной татфушегуб – налим. Подкравшись к сонной рыбке, он хватает ее своей пастью, усыпанной мелкими зубами. Нередко его добычей становятся маленькие налимчики, которым, кажется, крупный налим даже отдает некоторое предпочтение за их нежность, гладкость, узкое тело. Я убеждался в этом, изучая желудки пойманных хищников. Были случаи, когда крупный налим брал на мелкого, ранее попавшегося на закидушку. Здесь все понятно: накинуться на беспомощную рыбежку, сидящую на крючке, нетрудно, но как налим (этот скользкий увалень с постной, не хищной «физиономией») умудрялся ловить таких же активных ночью «свободных» собратьев?

**Александр
Токарев**

■ На Большой Корчаге

Этот омуток-круговерть, что находится километрах в трех ниже Старожильска, знаком нам давно. Отец открыл его для себя будучи на теревинных токах, рыбалкой особо еще не увлекаясь. А потом и я мальчишкой приехал сюда с ним. Весной и осе-

нно омуток щедро отдаривался крупными налимами. Ловили мы их примитивными донками с колокольчиками. И каждый год все собирались проверить омуток по льду. Но то Волга-водохранилище заманит, то лесное озеро. Несерьезной казалась ловля зимой на малой речке. Наконец, решили для очистки совести потерять пару дней, прощупать

Фото: архив РСН

заповедную яму жерлицами да поставушками. Так заранее и готовились... потерять дни впустую. Большая Кокшага в этих местах на самом деле мелкая перекатистая речка с песчаными откосами, заросшими ивняком. Противоположный берег всегда обрывистый, под ним обычно ходит кругом вода и чернеет яма, в которой

торчат сучья упавших дубов. Дорога к деревне Мишенино, петляющая по берегу реки, занесена снегом, и мы решаем идти по льду, по свежему лисьему следу. Цепочка следов вдруг круто сворачивает к берегу, но мы идем прямо и... чуть не проваливаемся в промоину. Лиса знает, где ходить... Дальше уже придерживаемся звериной тропки.

Омуток зимой выглядит совсем по-другому. Из-за снежных заносов по берегам он словно сжался, сделался меньше. Промерзший лес, потерявший листву, проглядывается вглубь на сотни метров. Унылый пейзаж оживляют одинокая раскидистая сосна и несколько заснеженных елей.

Мы бурим лунки под обрывистым берегом и ловим живца. На удивление – клев бойкий. Кроме ершей и окунишек, попадаются густерка и сопабелоглазка с палец.

Вечером расчищаем снег на берегу и ставим палатку. У входа дымит холодная пока печка. Вдоль полотняных стен укладываем на поперечины-бревна березовые жердины. Это нары.

Вскоре печка загудит, сыпанет из трубы искрами, и в палатке, присыпанной снегом до «крыши», будет тепло. Но самое главное – впереди. Жерлицы-флажки ставим с отцом в лучших местах. По крайней мере, мы так считаем. Именно здесь, на границе переката и ямы, брал по открытой воде налим. На перекате и в коряжнике устанавливаем поставушки-донки. Если и будут зацепы, то не жалко этой простой снасти, состоящей из куска лески с поводками и грузила. Основ-

ная леска привязана к палке, положенной поперек лунки. Леска крепится не в натяг, пара колец ее свободно лежит на снегу. Это чтобы усатый не накололся раньше времени, а заглотал надежно. Металлические поводки не ставим, вопреки расхожему мнению, что, мол, запросто перетрет налим леску своими мелкими зубами. Не было у нас еще такого случая. А вот застежки под поводки нужны. Проще отстегнуть поводок и поставить другой, чем возиться на морозе, освобождая руками крючок, который налим имеет обыкновение глубоко заглатывать. Жерлицы у нас обычные – щу-чи. К подставке крепится пластмассовым болтом и гайкой деревянная стойка с катушкой и флажком. Основная леска заканчивается грузилом-«оливкой», вертлюжком и нихромовым поводком. Для налима ставим через заводные кольца двойные крючки №8 вместо тройников №8,5. Гетинаксовые подставки, которыми обычно закрываем лунки, мы в этот раз не взяли. Стойки жерлиц утапливаем в холмики сырого снега. Лунки открыты, благо морозец не больше -5°C. Рядом с лунками устанавливаем хитрые светильники, сделанные из металлической банки из-под кофе, в которой плещется солярка и плавают марлевый фитиль. Кончик фитиля чуть-чуть высывается из щели в крышке банки. От ветра огоньки защищены пластиковыми бутылками без дна. Светильники эти долговечны и дешевы.

Фото: И. Любимов

малые реки и в наших краях. Наконец не выдерживаем и идем к снастям, проверяем лунки, скалываем тонкий ледок. Все в порядке, но поклевки нет. На поставушки как-то не надеемся. Не в “клевых” местах выставлены. Да и снасти, прямо скажем, еще те... Но для порядка проверяем и их. На первых двух донках – глухие зацепы. А дальше... на крючках сидят приличные, под килограмм, налимы. Причем самые крупные рыбы попались именно на перекате, на самой струе и мели. Из коряжника выпутываем лишь одного килограммового налима. Спешно бурим лунки вдоль русла, осознавая, что шумим, конечно, и, вероятно, губим рыбалку. Успокаивает то, что ночь еще впереди. Расставляем жерлицы и замираем у палатки. Ну же, давай, загорись, флажок! И, словно услышав наши шаманские заклинания, вскидывается кусочек ткани на тонкой пружинке, трепещет в свете огонька – катушка медленно крутится. Даем налиму заглотать приманку и тихо идем к жерлице. Есть!

Спать в эту ночь так и не пришлось. Налим хватал редко, но с надежным постоянством. К полуночи, когда из-за черных елей выглянула бледная луна, клев стал слабее. Где-то недалеко, на горельниках, подвывали волки и трещали деревья от усиливающегося мороза. Но вскоре опять “заиграли” флажки. Налим брал до четырех часов утра. После этого – ни поклевки, хотя по зимней поре самая глухая ночь – сейчас: темень непроглядная да с морозцем. По всей видимости, точен налим, выходит жировать строго по расписанию.

■ В устье Рутки

На водохранилищах труднее найти места жировки налима. Под многокилометровой толщей льда скрыты старые русла рек, по которым, повинувшись древнему инстинкту, идет на нерест эта странная рыба. И только здесь, в руслах рек и речушек, собираются ночные

хищники на жировку в достаточном для целевой ловли количестве. На разливах и в коряжниках хватки налима довольно редки. Попадается он здесь вместе со щукой и судаком, если живцы на жерлицах “играют” у дна. Случилось мне заночевать прямо на льду. Не в поисках “русского экстрима”, а по необходимости. Причина банальная: в моем распоряжении в этот раз только воскресенье, то есть один короткий зимний день, когда надо успеть дойти до места (а это 6-7 км по глубокому снегу), наловить живцов, пробурить лунки и поставить жерлицы. Поэтому выезжаю в субботу с последним вечерним автобусом. Выхожу в Коротнях. На той стороне Волги, на “горном” берегу, сияет огнями Козьмодемьянск. Провожаемый удивленными взглядами пассажиров-попутчиков, сворачиваю в сторону переправы. Моя цель – вмерзший в лед сохлый лес, что чернеет по “старому” берегу, затопленному Чебоксар-

ским водохранилищем. В этом лесу среди дубов, кленов, берез и липняка вьется русло речушки Рутки. В ее устье я и собираюсь выставить жерлицы. В лесу долго отыскиваю хотя бы небольшое укрытие, ветвяной часток, но кругом лишь голые стволы, выбитые ветром. Останавливаюсь на небольшой полянке в окружении дубков и ломаных берез. Необычно, как-то нереально бурить лунки прямо в лесу, приходится сверлить лед посреди лесной поляны, присыпанной свежим снегом. Первая сквозная лунка будет в хозяйстве колодцем для воды. В две недобуренные я вставляю стойки-рогатины из тонких липок и, забросив сырым снегом, притаптываю. К этим стойкам привязываю перекладину, а на нее будут опираться три-четыре жердины из тех же липок. Легкий каркас высо-

той в полтора метра я обтягиваю двойным полиэтиленом. Кроме защиты от ветра, он будет держать тепло костра, служить таким экраном. Под наклонную крышу своего прозрачного шалаша кладу пару вязанок из прутьев – устраиваю постель. Осталось только нарубить с запасом дровишек и развести костер. Без всего, перечисленного выше, нелегко переночевать на голом льду. Морозец за двадцать градусов, щиплет, ему помогает усиливающийся ветер. Миглом выстывает тепло, стоит только остановиться. Но я выгоняю озноб заготовкой дров, которые приходится большей частью ломать – топор только отскакивает от сухих дубков и кленов. С липняком тоже проблема: ломается дерево хорошо, но все на мочало исходит. Покончив с заготовкой дров,

развожу костер. На льду это сделать непросто. Для розжига у меня припасены таблетки сухого горючего, а дальше подкладываю старую бересту. Вскоре рядом с навесом польхает костер. Начерпав в котелок воды из колодца-лунки, готовлю крепкий чай и включаю приемник. Потом заворачиваюсь в плащ химвооружения. Так и засыпаю. Просыпаюсь от холода, охватившего все тело. Костер плавает в воде, попыхивая немощно дымком и паром. За час-два угли “выели” во льду небольшую промоину, и теперь надо наращивать над ней слой дров. Через какое-то время все повторится. Но я решаю больше не ложиться. Перевалило за полночь, а дел еще много. Вот полежу минут пять... Только эти бытовые мысли мелькнули в голове, как замер я при виде картины,

пришедшей со сна неожиданно, а потому еще более волшебной: на моих глазах тяжелым пыльно-складчатым занавесом разошлись тучи, разнесло их по сторонам в жиденькую кисейку, и открылась за ней, штопаной, равнодушно-прозрачная бездна с мирадами звезд и бледным ликом страшноглазой Луны. Картина почти нереальная. Моя круглая полянка сплошь в искорках и блестках лунного света, упавшего на чистый снег. Чередование черных теней и бело-обнаженных берез создает иллюзию их движения. Если окинуть взглядом перспективу, панораму далей, то видится покойно-бледная равнина, смутные очертания берегов и островов, где причудливо раскинуты кроны деревьев и темнеют кустарники, в которых замерли на лежках осторожные русаки. Подмигивают редкие огоньки далеких деревень, может быть, с Дубовой или Мазикино, а может быть, просто волчий мерцающий взгляд стережет мои дви-

жения из-за гнилого пенька?.. Лунный призрачный свет, мороз и звонкая тишина кругом. Мне некогда любоваться красотами, и я, сдерживая восторг, иду бурить лунки, там, за передним к Волге краем леса. Умаявшись с лунками, возвращаюсь к костру и готовлю снасти, проверяю живца-сорожку, добавляю свежей воды в кан. Живца по причине нехватки времени везу из города. Пойманы сорожки были летней поплавочной удочкой на незамерзающей и зимой нашей Малой Кокшаге, у ее стоков и коллекторов. Мало поймать, надо еще и сохранить живца, а для этого приходится дома непрерывно аэрировать воду в кане компрессором для аквариумных рыбок. В дороге исхитряюсь добавлять кислород обычной резиновой грушей. Ничего, пока живы-здоровы мои сорожки. Самое главное, не менять им сразу всю воду в кане, иначе тут же погибнут. Выставляю жерлицы по испытанным уже местам, начиная от мощного вязового пенька по свалу 3-4-метровых глубин. Не успев выставить и половину, замечаю вскинувшиеся флажки двух жерлиц. На обеих снастях “мертвые” зацепы. Пришлось обрезать леску. Пока я возился с этими, “заиграли” флажки других жерлиц.

Полусонный, бегаю к ним, режу леску и поминаю недобрый словом местно водяного. Наконец, вытаскиваю килограммового виновника всего этого переполоха. Постноскромно выглядит усатая физиономия: ну, подумаешь, рыбку съел... А съели налимы и затащили в коряги не меньше шести сорожек. Решаю до утра не опускать живцов ниже уровня льда. Налимья рыбалка не удалась. Слишком коряжисто здесь. А пока иду к костру: готовить суп, пить чай, ждать утра.

Чуть засветлело, возвращаюсь к жерлицам и выставляю на них спуск уже вполводы. Ночные чудеса еще не кончились... Едва успеваю запровадить флажок одной из жерлиц, как он тут же вскидывается на тонкой пружине-ленте. Тьфу ты! Уж не водяной ли опять гадит, помянутый в ночи? Снасть испытанная и “самострелов” до сих пор не допускала. Наклоняюсь к жерлице и более надежно завожу пружину за край катушки. Все... Теперь бы только провернуться катушке при щучьей хватке, разумеется, если хватка последует... Щелк! Необработанная острая грань пружины хлестко прикладывается к самому кончику носа, и я охаю от неожиданной боли, но флажок больше не трогаю. Водяной здесь, кажется, ни при чем... Катушка вздрагивает и начинает медленно поворачиваться. Один оборот, другой... Вот она ускоряет ход и движется непрерывно. Тянусь к леске, подсекаю и чувствую вначале глухой зацеп, а затем словно топляк со дна подернулся, зацепленный тройником. Ни сопротивления, ни толчков, только тяжесть. И вдруг из лунки показывается что-то непонятное: мордой судак, но черен, как эфиопский трубочист! Выволакиваю его на лед и не могу надивиться: ну точно судак, и не маленький (взвешенный дома, он потянул на 4,5 кг). Это удача! Ночная ловля окончилась, началась дневная.

Фото: А. Васильев